
УДК 304; 316.346.32-053.9; 613.98

DOI: 10.31249/rsoc/2022.03.03

ЯКИМОВА Е.В.* ТЕЛЕСНОСТЬ И СТАРЕНИЕ: ТЕЛО В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ГЕРОНТОЛОГИИ. (Обзор)

Аннотация. Обзор посвящен «культурному повороту» в социальной геронтологии и становлению новых теоретических перспектив в осмыслении телесных (воплощенных) аспектов старения и старости в обществе позднего модерна. Особое внимание уделяется вопросам телесного старения в его разных социокультурных измерениях (гендер, этничность и раса, дискриминация, эйджизм, забота о пожилых).

Ключевые слова: тело; телесность; социальная геронтология; культурная геронтология; воплощение; раса; этничность; дискриминация; постколониальная теория; эссенциализм; другие; деколониальный поворот; архитектура и дизайн; забота; пространство; маскулинность; мода.

Для цитирования: Якимова Е.В. Телесность и старение : тело в контексте социальной геронтологии. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. – 2022. – № 3. – С. 35–54. DOI: 10.31249/rsoc/2022.03.03

YAKIMOVA E.V.** Body and aging: the body in the context of social gerontology. (Literature review)

* Якимова Екатерина Витальевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: e.yakimova2011@yandex.ru

** Yakimova Ekaterina Vital'evna – Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. E-mail: e.yakimova2011@yandex.ru

Abstract. The review is devoted to the «cultural turn» in social gerontology and the emergence of new theoretical perspectives in understanding bodily (embodied) aspects of aging and old age in late modernity society. Particular attention is paid to issues of physical aging in its various sociocultural dimensions (gender, ethnicity and race, discrimination, ageism, care for older adults).

Keywords: body; corporeality; cultural gerontology; embodiment; race; ethnicity; discrimination; postcolonial theory; essentialism; others; decolonial turn; architecture and design; care; space; masculinity; fashion.

For citation: Yakimova E.V. Body and aging : the body in the context of social gerontology. (Literature review). Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11. Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11. Sociology]. – 2022. – N 3. – P. 35–54. DOI: 10.31249/rsoc/2022.03.03

Обзор посвящен теоретическим и социально-политическим аспектам старения тела в современном мире, которые стали предметом обсуждения на страницах специализированных геронтологических изданий последних лет. Авторы статей, включенных в настоящий обзор, рассматривают такие параметры старения, связанные с телесностью человека, как эйджизм и дискриминация пожилых; гендерная и этническая специфика старения в условиях социального неравенства и постколониализма; поиск новых способов междисциплинарного осмысления феномена старости в эпоху постмодерна; тело и старение в обществе потребления; дизайн пространства и жизненной среды для людей третьего и четвертого возрастов; роль моды в сохранении и поддержании личностной идентичности людей старшего поколения. На фоне тематического разнообразия аспектов «воплощенной старости», которые находятся в фокусе внимания исследователей, их объединяет приверженность новой геронтологической парадигме, приобретающей влияние в социальном знании в два последних десятилетия. В рамках этой теоретической модели телесность и старение трактуются как составляющие социальной и культурной реальности постмодерна, которые в той же мере подвержены воздействию той реальности, в какой являются ее атрибутом.

Как отмечают британские геронтологи Венди Мартин (Университет Брунеля, Лондон) и Джулия Твигг (Кентский университет), соучредители группы по изучению старения, тела и общества в рамках Британской социологической ассоциации (BSA), тело есть ключевой объект социальной геронтологии и геронтологического знания в целом: если бы не старело тело, геронтологам не о чем было бы рассуждать [Martin, Twigg, 2018, p. 1]. Именно телесные изменения (морщины, седина, частичная утрата физических и когнитивных возможностей, общее увядание, телесная немощь и болезни), которые служат визуальными индикаторами старения и старости, должны быть в центре внимания геронтологов. Между тем геронтология (в качестве социальной дисциплины) долгое время стремилась «забыть о теле» – из опасения вернуться к биологическому детерминизму, характерному для биомедицинского подхода к феномену старения. В рамках последнего стареющее тело – это «очевидная, рациональная биологическая данность», подлежащая объективному наблюдению и измерению как предмет медицинской экспертизы [ibid.]. В истории становления социальной геронтологии как отрасли социальной науки, продолжают Мартин и Твигг, биомедицинское толкование старости (с акцентом на стареющей телесности) постепенно уступило место политико-экономическим ее моделям. В новой трактовке ключевыми факторами старения стали процесс и последствия выхода на пенсию, окончание активной профессиональной и трудовой деятельности, а также опосредующие их демографические и гендерные характеристики. В социально-экономической / социополитической геронтологии процесс старения оказался максимально отдален и даже изолирован от физических (физиологических, телесных, биомедицинских) составляющих, особенно – от каких-либо параметров телесного и функционального «угасания» людей старшего поколения.

В итоге доминирующей парадигмой социальной геронтологии стал социальный конструкционизм, где тело предельно маргинализовано и практически исключено из поля зрения исследователя, резюмируют авторы статьи. Стареющая телесность / воплощенная старость остаются прерогативой биомедицинских наук, которые находятся под прицелом критики со стороны продвинутых геронтологов. Так возник своеобразный парадокс геронтологического знания: с одной стороны, телесное старение является заботой но-

мер один в повседневной жизни пожилых людей, с другой – тема телесной старости приобретает табуированный характер в геронтологическом и социологическом дискурсе, касающемся старших возрастных категорий. В повседневной жизни тело незаметно, продолжают Мартин и Твигг, до тех пор, пока оно не даст о себе знать симптомами физического дискомфорта и боли. Это напряжение между присутствием / отсутствием стареющей телесности, ее видимостью / невидимостью в обыденном опыте как раз и является ключевой особенностью и главной темой геронтологического знания [Martin, Twigg, 2018, p. 2].

В первые десятилетия XXI в. в социальных науках о старости и старении наметился ряд ключевых изменений, их авторы обозначают как культурный поворот, или поворот к культурной геронтологии. Они имеют в виду «интеллектуальный сдвиг в сторону агентности, ассоциированной с культурным анализом», что дает возможность «сфокусировать внимание на идентичности и жизненном опыте (опыте проживания жизни) в преклонном возрасте» [Martin, Twigg, 2018, p. 2]; см. также: [Gilleard, Higgs, 2013; Gilleard, Higgs, 2015; Twigg, Martin, 2015].

В границах новой геронтологической парадигмы, на фоне упрочения потребительской культуры в обществе постмодерна, главным объектом интереса геронтологов становится телесная (воплощенная) индивидуальность агентного Я в преклонном возрасте. Как отмечала в свое время Дж. Твигг, социоконструкционистское прочтение старения и старости, вытеснившее политико-экономические подходы, сегодня принимает еще более радикальный характер, демонстрируя социальную сконструированность самой природы тела и телесности [Twigg, 2004, p. 60]. Культурная перспектива обогатила геронтологию новыми объектами для теоретических размышлений и эмпирических исследований, включая практические (социально-политические) аспекты старения в рамках культуры постмодерна и идентичность пожилых людей. Сегодня старость как аналитическая категория является прерогативой междисциплинарных и кросс-дисциплинарных исследований, предполагающих помимо биомедицинских и социодемографических параметров старения гуманитарные и культурно-художественные его измерения. Таким образом, взаимосвязь между телом и

его социокультурным конструированием становится признанным фактом и главной темой геронтологии XXI в.

Акцент на агентности и субъектности, характерный для постмодерна, означает переход от «структурно агрегированных форм социальности к более подвижному толкованию бытия в обществе» [Martin, Twigg, 2018, p. 2]. В таком случае общество рассматривается как изначально пластичное, подвижное образование, способное к трансформации вследствие новых культурных дискурсов и практик, включая создание новых жизненных стилей и ценностей. Одной из подобных практик является опыт старения и проживания жизни в преклонном возрасте. Помимо социального анализа данная тема в последнее десятилетие чрезвычайно востребована в самых разных сферах искусства (фотография, живопись, кинематограф, театр, литература). Культурная перспектива, таким образом, обозначает «территорию для изменения наших представлений о возрасте, старении и воплощенной старости», замечают британские исследовательницы [ibid.]. Еще один аспект геронтологии как науки, ассоциированной с культурой постмодерна, связан с осмыслением старости в терминах опыта ее проживания самими пожилыми людьми – вместо доминировавших до сих пор объективистских толкований такого опыта. Такая позиция позволяет снизить риск стереотипизации и гомогенизации процесса старения и переживания опыта старости и способствует индивидуализированному, контекстуальному пониманию стареющей телесности. В таком случае на первый план выходят факторы наличной культуры и культурной традиции, расовая и гендерная специфика, этнографические особенности социальных представлений о «жизни на закате», а также физические возможности пожилого человека, подчеркивают Мартин и Твигг. В продвижении данной теоретической перспективы в сфере геронтологического знания и социологии старения, сконцентрированной на изучении взаимосвязей между старением тела и социокультурными реалиями, авторы видят главную задачу организованной ими исследовательской группы в рамках BSA.

Идеи и теоретические установки культурной геронтологии, озвученные В. Мартин и Дж. Твигг, находят конкретизацию в статье специалиста в области социальной политики Свиты Раджан-Рэнкин (Кентский университет, Великобритания) [Rajan-Rankin,

2018]. Британский социолог индийского происхождения размышляет о перспективах теоретической «гибридизации» социального анализа старости (в ее воплощенном измерении) и постколониальных исследований. Автор обозначает цель своей работы как попытку «реанимации телесной старости в ее цветном варианте» путем выявления параллелей и аналогий опыта и практики дискриминации по признакам возраста и/или этничности (принадлежности к неевропейской расе). И в том и в другом случае в центре теоретической рефлексии оказываются воплощенные измерения маргинализации и дискриминации в постколониальных социальных реалиях позднего модерна. Задача, таким образом, состоит в том, чтобы навести концептуальные мосты между культурной геронтологией и постколониальной теоретической перспективой применительно к осмыслению старости и старения. «Тело и опыт переживания телесности – это физическое и символическое пространство, где особенно ярко проявляют себя дегуманизирующие последствия расизма и эйджизма», – резюмирует свою точку зрения Раджан-Рэнкин [ibid., 2018, p. 37].

В ходе сравнительного анализа стареющей и/или цветной телесности британская исследовательница использует следующие категории: *эссенциализм и изгнание*; категоризация пожилых неевропейцев в качестве *других*; социальная, политическая и культурная *девизуализация* дискриминируемой телесности, *исключение* ее из жизни общества. Эти категории выступают отправным пунктом пилотного сопоставительного анализа воплощенной телесности глобального Юга в ее возрастном и/или расовом измерениях.

Обзор релевантной литературы двух последних десятилетий позволяет говорить об особом интересе социальных аналитиков к кросс-культурному и кросс-дисциплинарному осмыслению расы / этничности и старения, замечает Раджан-Рэнкин. Большинство подобных исследований носит прикладной характер, оставляя в тени вопросы теории. На этом фоне значительный шаг вперед представляет новая парадигма культурной геронтологии, особенно характерный для нее акцент на воплощенных характеристиках старения и визуализации этого опыта как отличного от более ранних этапов жизненного цикла. Эта установка культурной геронтологии перекликается с идеями постколониальной теории, где в последние годы особое значение придается осмыслению «стареющей

цветной телесности», отличающейся в ее социокультурной репрезентации, восприятии и оценке от европейского варианта старения и старости. Обе теоретические перспективы требуют самого пристального внимания к телесным индикаторам различий между возрастными и/или этническими группами и описывают категоризацию возрастных / неевропейских социокультурных общностей в терминах принадлежности к «другим». Исследования, касающиеся расы / этничности и/или старения, обращаются к таким дискурсивным и репрезентативным стереотипам постколониализма, как эйджизм и расизм, квалифицируя их как следствие эссенциалистского толкования визуальных различий между людьми. Телесность, таким образом, определяет аналитический фокус как культурной геронтологии, так и постколониальной исследовательской парадигмы: обе теоретические модели ориентируются на критическое прочтение «эссенциализма и культуризма как механизмов конституирования образа старости» [Rajan-Rankin, 2018, p. 33; Zimmermann, 2016]. Проблема состоит в том, поясняет свою мысль Раджан-Рэнкин, чтобы приблизить друг к другу теоретические модели геронтологии и постколониальных исследований воплощенного старения как дифференциации, маргинализации и дискриминации определенных этнических и демографических групп, принадлежащих социокультурному и политическому пространству глобального Юга.

Анализ параллелей и точек пересечения двух теоретических перспектив социального знания с помощью категорий, перечисленных выше, делает возможным тот назревший эпистемологический поворот, который, в свою очередь, позволит осуществить социокультурную и политическую реанимацию стареющей цветной телесности, считает автор статьи. Главным препятствием на этом пути является европейская эссенциалистская эпистемологическая традиция, которая на практике приводит к маргинализации людей пожилого возраста с иным, чем у европейцев фенотипом и цветом кожи. Здесь имеется в виду трактовка воплощенных атрибутов инаковости в качестве природной данности со знаком «минус» для тех, кто не отвечает критериям истинного представителя рода *homo sapiens* в глазах «молодых белых европейцев». Дегуманизация «цветных» в истории колониализма базируется на отнесении их к «объектам», которые выталкиваются из общественной жизни

модерна ее «субъектами» – представителями белой расы. Аналогичным образом в контексте биомедицинской геронтологии на задворки жизни вытесняются и представители старшего поколения, поскольку старость здесь ассоциируется с такими телесными признаками, как болезни, немощь и бесперспективность существования. Другими словами, обе теоретические схемы видят в «иных» формах воплощенной телесности основание для изгнания ее носителей на периферию жизни общества, их маргинализацию и дегуманизацию. Притом что телесные индикаторы «инаковости» пожилых и неевропейцев являются очевидными, «иные» становятся невидимыми в качестве агентов политики, культуры и прочих социальных практик. «Эйджизм и расизм, – замечает в этой связи Раджан-Рэнкин, – это формы гегемонистской культурной репрезентации, поддерживаемые дискурсом и языком». Взаимопересечение таких параметров, как возраст, раса (этничность) и гендер, создает особый вариант социально-культурной визуализации «других» человеческих сообществ, которые расцениваются как неподлинные, и в то же время делает их несуществующими в качестве объектов социальной политики и защиты [Rajan-Rankin, 2018, p. 35].

Преодоление перечисленных дискриминационных и дегуманизирующих тенденций постколониального дискурса возможно только на путях кардинального пересмотра эпистемологических установок модерна, настаивает автор статьи. Культурная геронтология – это одно из направлений трансформации «дегуманизирующего взгляда», характерного для европейской модели социального знания. Второй, более радикальный путь связан с деколониальным эпистемологическим и социокультурным поворотом, который ставит под сомнение саму систему современного знания, его логику и дисциплинарную сферу и предлагает «децентрализованное» толкование человека и социальных сообществ, не ограниченное существующими эссенциалистскими критериями «подлинности» *homo sapiens* в качестве белого / молодого европейца [Spivak, 1999; Bhabha, 2004; Bhabha, 2014]. Если постколониальный тип дискурса остается в границах традиционного дуализма субъекта / объекта (молодой белый европеец / цветной старый носитель иной этничности), где второй является предметом познания и/или дискриминации со стороны первого, то критиче-

ская перспектива деколониальности ставит под сомнение всю эпистемологическую матрицу модерна. «Понятия деколониальности и децентрализации гегемонистского дискурса современности, касающегося старости и расы, могут способствовать изменению западного эпистемологического канона и созданию системы знания и способов его организации, которые не будут отягощены присутствием Запада на глобальном Юге», пишет в заключение Раджан-Рэнкин [Rajan-Rankin, 2018, p. 37].

Социологи из Йоркского университета (дер. Хеслингтон, Великобритания) Сара Неттлтон, Кристина Бьюз и Дэрил Мартин рассматривают феномен старости в контексте социокультурных функций архитектуры и пространственного дизайна [Nettleton, Buse, Martin, 2018]. Исследователи исходят из предположения, что организация пространства и пространственные «словари», запечатленные в архитектурных проектах и дизайнерских решениях, – это закодированные (воплощенные) сообщения, отражающие культурные ожидания и политические представления о том, «как следует жить» [ibid., p. 34]. Архитектурные сооружения и дизайн «мест пребывания» наглядно воспроизводят доминирующие социокультурные образы, в том числе образ стареющей телесности, а также отношения власти в обществе и нормы организации повседневности. Более того, продолжают свою мысль авторы статьи, с точки зрения нерепрезентативного подхода к социальным задачам архитектуры, который набирает силу в социальных науках, архитектура задает ориентиры организации обыденной жизни и ее воплощения, демонстрируя процесс и результат взаимодействия между пространством, местоположением, человеком и вещами [Thrift, 2009].

В качестве эмпирического материала для своих размышлений о связи телесности, старения и пространственного дизайна Неттлтон и ее коллеги используют проекты домов престарелых, которые были представлены на международный конкурс под названием «Забота о пожилых», проводившийся в 2009 г. по инициативе Королевского института британских архитекторов. Конкурс, в жюри которого помимо архитекторов и дизайнеров входили геронтологи, социологи (в том числе авторы настоящей статьи), специалисты в области лечения старческой деменции и болезни Альцгеймера, имел футурологическую ориентацию; его цель со-

стояла в том, чтобы выяснить, как именно будущие архитекторы представляют себе пространственно-материальные аспекты заботы о пожилых и очень пожилых людях через 60–70 лет.

Анализ студенческих проектов, отмеченных высшими оценками жюри, предваряется в статье теоретической рефлексией относительно таких категорий, как телесность, воплощение, пространство, организация повседневной жизненной среды, забота, а также социокультурное назначение архитектуры. Фокусом внимания Неттлтон и ее соавторов выступают отношения между телом (телесностью, воплощением) и пространством (местом пребывания тела) – с акцентом на архитектурно-дизайнерские решения в качестве способа «визуальной практической артикуляции идеологии заботы», во-первых, и конституирование образа стареющей телесности посредством создания повседневной среды обитания – во-вторых [Nettleton, Buse, Martin, p. 54]. Главный тезис британских социологов, опирающихся на идеи ряда известных геронтологов, культурологов и теоретиков архитектуры, состоит в том, что архитектурные и дизайнерские решения имеют сугубо социальную природу и тем самым дают ключ к пониманию отношений между «пространством, материальностью и проектами телесного старения и старости» [ibid., p. 55]. С этой точки зрения студенческие решения пространственной организации «помещений заботы», являясь своего рода «бумажной архитектурой», позволяют судить о современном прочтении феноменов старости и заботы и перспективах его воплощения в осязаемых материальных объектах. Наиболее релевантной задачам своей работы Неттлтон, Бьюз и Мартин считают позицию известного культуролога и теоретика архитектуры и дизайнера городской среды К. Абеля. Абель акцентирует связь организации пространства, телесности человека и его идентичности, благодаря чему возможно создание «мест интимного пребывания», с которыми отождествляет себя индивид, испытывая чувство принадлежности, покоя и заботы [Abel, 2013].

Анализ конкурсных работ позволяет судить, насколько устойчива бытующая сегодня в западном обществе и общественном сознании обезличенная трактовка старости и стареющей телесности как «источника беспокойства» на фоне физической и психической деградации личности, замечают авторы статьи. Вместе с тем конкурсные работы дают возможность под новым углом зрения оце-

нить популярную концепцию успешного старения и внести «коррективы заботы» в излишне оптимистичный стереотип пожилого человека как самодостаточного, активного участника общественной жизни.

Фокусом рассмотрения конкурсных дизайн-проектов домов престарелых в статье британских социологов выступают три взаимосвязанных объекта: старость, забота и пространство в их материальном, овеществленном выражении. Соискателям была предложена краткая инструкция, которая никак не ограничивала их творческую фантазию, но содержала двухстраничный перечень вопросов для размышления (пространственная локация заведений для пожилых, связь таких мест пребывания с более широким социальным сообществом и городской / сельской средой, характер повседневных занятий пожилых резидентов, степень их личного комфорта и независимости, помещения для персонала, связь между наличной организацией пространства заботы и личным жизненным опытом резидентов и т.п.).

В ходе изучения лучших из 69 проектов, представленных на конкурс, Неттлтон и ее коллеги выделили пять вариантов понимания тела и телесности, или пять «образов тела» применительно к пожилым резидентам и специализированным «помещениям заботы». Руководствуясь тем или иным образом или комбинируя их, будущие архитекторы и дизайнеры предлагали свои варианты устройства пансионатов для пожилых и их материального оснащения. В ряде случаев соискатели акцентировали свое видение воплощенной старости, в других проектах образ стареющей телесности носил имплицитный характер, но именно телесное измерение старости являлось приоритетным при разработке того или иного варианта организации и материального наполнения «пространства заботы».

1. *Социально-биологический* образ тела акцентирует процесс угасания физических и когнитивных способностей человека; забота трактуется как реальная помощь санитарно-гигиенического, медицинского и бытового плана. В таких проектах на первый план выходит понятие жизненного цикла, а старость ассоциируется с повторением фазы младенчества. Здесь присутствуют традиционные (материальные и пространственные) параметры осуществления заботы о «пожилых как немощных»: комнаты для тренировки

памяти и восстановления когнитивных функций, приспособления для постоянного мониторинга повседневной жизни резидентов, бытовой и медицинский контроль со стороны персонала и т.п. Ритм повседневной жизни и смены видов деятельности и занятий находят воплощение в специфической организации специальных мест, где эта деятельность осуществляется. Особая роль отводится общению резидентов друг с другом в общих помещениях, а также цветотерапии для стимулирования их биологических и телесных функций. В некоторых подобных проектах комнаты резидентов оснащались только самыми необходимыми вещами, что должно было побуждать их как можно чаще «бывать на людях».

2. *Социально-технологический* образ тела предполагает максимальное «облегчение» жизни пожилых резидентов с помощью новейших технических приспособлений и гаджетов. Забота о пожилых здесь нередко понимается в терминах бриколажа и предполагает соединение технических средств, которые привычны пожилому человеку, с новинками, которые могут облегчить и разнообразить повседневную жизнь стареющего тела. В таких проектах дома престарелых чаще размещаются в центре городской среды с тем, чтобы пожилые люди не чувствовали себя исключенными из общественной жизни и ее ритмов. Некоторые дизайнеры оснащали личные комнаты резидентов гигантскими мониторами, они напоминали им о гигиенических процедурах, важных мероприятиях, приеме лекарств, медицинских манипуляциях и т.п. С одной стороны, такой мониторинг можно считать призывом к тотальному контролю и принуждению в отношении пожилых, с другой – рассматривать как поощрение технических навыков, накопленных резидентами на протяжении их «жизни с гаджетами». Иными словами, в этом варианте организации заботы о престарелых находит отражение дилемма поощрения свободы / принуждения в отношении стареющей телесности.

3. *Потребительский, активный* образ тела фиксирует понимание воплощенной телесности как агента потребительской культуры постмодерна. В проектах этого типа в домах престарелых первый этаж отводится для шопинга, активного отдыха, занятий спортом и общения как самих резидентов, так и навещающих их родственников. Пожилые люди здесь обычно одеты в соответствии с современной модой, они участвуют в привычном кругово-

роте потребления, часто выходят за пределы своего места пребывания, но при этом готовятся к тому моменту, когда суррогатная социально-потребительская активность станет для них невозможна. В этих проектах больше внимание уделяется роли родственников, чем обслуживающего персонала; плакаты и постеры в помещениях для пожилых призывают их родных находить время для регулярных визитов, поддерживающих терапевтический эффект культуры потребления.

4. *Биографический образ* тела акцентирует личную жизнь и прошлый профессиональный и жизненный опыт пожилого человека, его самобытность как субъекта уникальной биографии. Здесь особенно ярко выражен протест против обезличенности и гомогенизации старости и старения: резиденты имеют возможность по-сильно трудиться, так или иначе использовать свои профессиональные навыки, разнообразить свой досуг с помощью хобби. Возможно посещение мест, связанных с важными событиями их личной жизни в прошлом, реализация талантов и неудовлетворенных стремлений молодости (живопись, художественное творчество, рукоделие). Личные комнаты обитателей максимально наполнены вещами, связанными с их прошлой жизнью; более того, пребывание пожилых людей в своем интимном пространстве никак не ограничено, принуждение к социальному общению отсутствует. Вещи и воспоминания становятся средством для поддержания своего Я и его базовой идентичности, превращаясь в своеобразный фактор заботы. Вместе с тем дизайн-проекты этого типа поддерживают образ старости как «обращения в прошлое», как жизненного итога, лишённого перспектив.

5. *Феноменологический образ* тела апеллирует к эмоционально-чувственным измерениям жизненного опыта пожилых людей, когда с помощью определенных материальных свойств окружающей среды люди ощущают комфорт и заботу (мягкое кожаное кресло, приглушенный свет, чистое постельное белье, приятный глазу цвет стен, аромат цветов на балконе и т.п.). Как и в предыдущем варианте, большое значение в организации личного пространства для резидентов придается привычным и милым сердцу вещам (старый чайник, камин, шаль, книги и альбомы). Материальное наполнение пространства в данном случае призвано стимулировать у пожилого человека чувство дома и принадлежности к

своей среде обитания, что отражает тенденцию к созданию пансионатов для пожилых в виде личных апартаментов.

Подводя итоги своей работы, Неттлтон, Бьюз и Мартин подчеркивают ее значение для апробирования новых путей изучения культурных образов старости как «воплощенного опыта», в частности, в форме заинтересованного диалога социологии и архитектуры [Nettleton, Buse, Martin, p. 60]. Анализ конкурсных работ показал, что начинающие архитекторы и дизайнеры, отдавая дань традиционному прочтению старости как периода физической и когнитивной деградации, не ограничились функциональной трактовкой заботы о пожилых и форм ее пространственной организации. В лучших проектах акцент сделан на создании в домах престарелых атмосферы эмпатии и комфорта посредством материально-вещественных и чувственно-феноменологических атрибутов личных и общественных «мест пребывания» пожилых резидентов.

В статье Джулии Твигг телесное старение рассматривается в его гендерном измерении, воплощенном в манере одеваться и выборе одежды пожилыми людьми [Twigg, 2018]. В центре внимания автора – предпочитаемый стиль одежды и аксессуаров и критерии их выбора в соответствии с гендерной принадлежностью, или «гардероб» как элемент идентичности людей третьего и четвертого возрастов, тогда как тема возраста и моды в данном случае является периферийной. В соответствии с установками культурной геронтологии одежда выступает одним из важнейших аспектов старения и переживания опыта старости. Цель статьи, поясняет Твигг, заключается в «выяснении роли одежды как способа конституирования воплощенной возрастной маскулинности» [ibid., p. 2]. Данная работа продолжает исследование, касающееся взаимодействия гендера и старения, начатое автором в 2013 г., тогда предметом эмпирического анализа выступал гардероб пожилых женщин, а также их отношение к одежде и возрастным аспектам моды, или воплощенная возрастная феминность и ее конституирование посредством одежды [Twigg, 2013].

В настоящей статье британский геронтолог использует материалы качественных интервью с мужчинами в возрасте 58–85 лет (Кент, 2013 г.). В проекте приняли участие 24 человека, представители среднего класса и рабочих специальностей; критерием для отбора респондентов послужила их принадлежность к обыч-

ным рядовым представителям мужского пола и своего поколения. За исключением одного человека все респонденты были белыми; пятеро заявили о своей гомосексуальной ориентации; двое были вдовцами, один не состоял в браке [Twigg, 2018, p. 7]. Для сопоставления «мужского» и «женского» взглядов на роль одежды как аспекта воплощенной возрастной телесности Твигг использовала два критерия: а) культурное значение одежды (но не моды) и б) гендерные отличия роли и вещественного / материального воплощения возраста с помощью гардероба и предпочтительной манеры одеваться [ibid., p. 2].

В противовес стереотипной трактовке старости и стареющей телесности как по преимуществу андрогинных (лишенный гендерного и сексуального значений) культурная геронтология обращает самое пристальное внимание на воплощенную маскулинность / феминность пожилых людей, замечает Твигг. Автор считает перспективным осмысление телесного старения с использованием ключевого понятия «гегемонная (доминирующая) маскулинность», которое было введено в научный оборот в 1995 г. Этот термин используется для обозначения культурного канона «настоящего мужчины» – в противовес феминности и атрибутам гей-культуры [Connell, Messerschmidt, 2005]. За редким исключением понятие гегемонной маскулинности не встречается в геронтологической литературе – вследствие распространенного заблуждения, что с возрастом гендер, пол и сексуальность теряют для индивида свое привычное значение. Твигг считает такую трактовку старения крайне упрощенной и призывает социологов обратиться к «более тонким, рефлексивным нюансам маскулинности», в том числе в форме овеществленных (воплощенных) предпочтений в одежде и внешнем облике.

Краткий экскурс в историю европейского мужского костюма показывает, что одежда представителей сильного пола эволюционировала от ярких и даже вычурных одеяний XIV–XVI вв. к более сдержанным, утонченным и лаконичным образам. Однако эта эволюция не означает, что мужской стиль одежды утратил гендерный подтекст, отвечающий критерию гегемонной маскулинности. В выявлении такого подтекста и состоит главная задача эмпирического проекта Дж. Твигг. Расшифровка и анализ материалов качественных интервью позволили выделить четыре характерные осо-

бенности «мужских» ответов на вопросы, связанные с ассоциациями между возрастом (старость) и одеждой (выбор, стиль, манера). Первая связана с темой интеграции, т.е. константности «базового гардероба» мужчин на протяжении жизненного цикла и сохранения привычного стиля в одежде независимо от возраста.

Большинство респондентов акцентировали постоянство своих аттитюдов, связанных с внешним обликом и предметами гардероба, которые в основном соответствовали «маскулинности европейского мейнстрима» [Twigg, 2018, p. 20]. В ответах респондентов доминировал мотив низкой вовлеченности в предмет, его относительное малое значение в повседневной жизни и «нерефлексивность» – наряду с особым вниманием к одежде как части социального микропорядка (необходимость следовать дресс-коду при посещении официальных мероприятий локального значения, похорон, свадебных церемоний). Ответы участников в целом подтвердили тезис культурной геронтологии об устойчивости повседневных потребностей и способов их удовлетворения на протяжении жизненного цикла, за исключением ситуаций, осложненных болезнями, немощью, деменцией и т.п., подчеркивает Твигг [ibid., p. 21]. Вместе с тем имелись некоторые межгрупповые различия в мужском взгляде на одежду, связанные с профессиональным поприщем респондентов в прошлом и в меньшей мере с их социальным статусом и уровнем доходов. Так, люди творческих профессий (иллюстратор, оформитель, фотограф, дизайнер) предпочитали более броскую одежду «свободных художников»; некоторые бывшие чиновники и дипломаты также увлекались яркими аксессуарами, которые «были неуместны в прежней жизни». В конечном счете, резюмирует автор статьи, гардероб респондентов демонстрировал «постоянную вовлеченность одежды в их идентичность в качестве настоящих мужчин» [ibid.].

Вторая особенность гендерных ассоциаций между старостью и одеждой состояла в том, что мужчины уделяли меньше внимания возрастному соответствию / несоответствию предметов гардероба и аксессуаров, чем женщины (по возрасту / не по возрасту, старит / молодит). Многие респонденты специально подчеркивали, что не связывают свой выбор одежды с наступлением старости – они просто «носят то, что привычно». Различия в этом вопросе отчасти были связаны с профессией участников проекта: многие с

радостью отказывались от делового костюма в пользу стиля «casual», но объясняли это сменой вида деятельности, а не телесными, визуальными признаками старения (лишний вес, старческая походка, лысина). Многие опрошенные категорически не признавали «молодежной» одежды на том основании, что она им не нравится («дурацкая, неудобная, узкая»), но не потому, что тесные джинсы или просторные худи «уже не по возрасту» (частый аргумент против выбора молодежных вещей в ответах женщин старше 60).

Третий, крайне важный аспект предпочтений в одежде среди мужчин преклонного возраста Твигг связывает с темой моральных ценностей: большинство опрошенных подчеркивали «скрытое моральное значение предметов своего гардероба», которые «выражали ценности их поколения» [Twigg, 2018, p. 21]. Моральный смысл одежды и аксессуаров (галстук, цвет рубашки, чистая обувь) заключался в том, что подбор вещей, не подчиняясь требованиям сиюминутной моды, отражал представления пожилых мужчин об их личностном статусе, соответствии внешнего облика месту и времени, уважении мнения окружающих и т.д. В ответах пожилых женщин моральные аспекты предметов гардероба практически не упоминались, что косвенным образом свидетельствует о том, что именно маскулинность (но не феминность) с возрастом приумножает свою моральную ценность, констатирует автор статьи [ibid., p. 22].

С этим обстоятельством связана и такая гендерная особенность старения и старости, как возрастающая с годами позитивность подлинной маскулинности. В соответствии с гипотезой культурной геронтологии (справедливость ее подтверждают результаты эмпирического проекта автора) пожилые мужчины не только сохраняют, но и укрепляют свои гендерные преимущества (по сравнению с пожилыми женщинами). Представителей сильной половины человечества в отличие от слабого пола мало заботила потеря внешней привлекательности в преклонном возрасте. Женщины в свою очередь демонстрировали глубокую вовлеченность в «разрушительный возрастной дискурс» еще и потому, что их предпочтения в одежде по большей части отражали скрытую сексуальность и желание нравиться, т.е. имели эротический подтекст. Другими словами, если для женщин, вне зависимости от возраста, одежда – это прежде всего вопрос внешней привлекательности и

флирта (что ассоциируется с молодостью и свежестью), то для мужчин их гардероб связан преимущественно с темой статуса, власти, авторитета и доминирования.

Обзор статей, касающихся темы воплощенной старости и телесных аспектов старения в обществе позднего модерна, позволяет говорить о значительном эвристическом потенциале культурной геронтологии как перспективной теоретической модели осмысления поздних стадий жизненного цикла в их разнообразных, нестереотипных, индивидуализированных проявлениях в конкретных социокультурных контекстах повседневности.

Список литературы

Abel Ch. The extended self : tacit knowing and place identity // *Rethinking aesthetics : the role of body in design* / ed. by R. Bhat. – London : Routledge, 2013. – P. 100–139.

Bhabha H.K. Race, time and the revision of modernity : conclusion // *Bhabha H.K. The location of culture.* – London : Routledge, 2004. – P. 338–367.

Bhabra G.K. Postcolonial and decolonial dialogues // *Postcolonial studies.* – 2014. – Vol. 17, N 2. – P. 115–121.

Connell R.W., Messerschmidt J.W. Hegemonic masculinity : rethinking the concept // *Gender & society.* – 2005. – Vol. 19, N 6. – P. 829–859.

Gilleard Ch., Higgs P. Ageing, corporeality and embodiment. – London : Anthem press, 2013. – XIII, 212 p.

Gilleard Ch., Higgs P. The cultural turn in gerontology // *The Routledge handbook of cultural gerontology* / ed. by J. Twigg, W. Martin. – London : Routledge, 2015. – P. 29–37.

Hartung H. Late style as exile : de/colonizing the life course // *J. of aging studies.* – 2016. – Vol. 39. – P. 97–100.

Martin W., Twigg J. Aging, body and society : key themes, critical perspectives : editorial // *J. of aging studies.* – 2018. – Vol. 45. – P. 1–4.

Nettleton S., Buse Ch., Martin D. Envisioning bodies and architecture of care : reflections on competition designs for older people // *J. of aging studies.* – 2018. – Vol. 45. – P. 54–62.

Rajan-Rankin S. Race, embodiment and later life : re-animating aging bodies of color // *J. of aging studies.* – 2018. – Vol. 45. – P. 32–38.

Spivak J.C. A critique of postcolonial reason : towards a history of the vanishing presence. – Cambridge (MA) : Harvard univ. press, 1999. – XIII, 449 p.

Thrift N. Different atmospheres : of Sloterdijk, China and site // *Environment a. planning D : society a. space.* – 2009. – Vol. 27, N 1. – P. 119–138.

Twigg J. Dress, gender and the embodiment of age : men and masculinities // *Ageing a. society.* – 2018. – Aug 31. – P. 1–26.

Twigg J. Fashion and age : dress, the body and later life. – London : Bloomsbury, 2013. – X, 174 p.

Twigg J. The body, gender and age : feminist insights in social gerontology // J. of aging studies. – 2004. – Vol. 18. – P. 59–73.

Twigg J., Martin W. The challenge of cultural gerontology // Gerontologist. – 2015. – Vol. 55, N 3. – P. 353–359.

Zimmermann H.-P. Alienation and alterity : age in the existentialist discourse on others // J. of aging studies. – 2016. – Vol. 39. – P. 83–95.

References

Abel Ch. The extended self : tacit knowing and place identity. *Rethinking aesthetics : the role of body in design*. Ed. by R. Bhat. – London : Routledge, 2013. – P. 100–139.

Bhabha H.K. Race, time and the revision of modernity : conclusion. *Bhabha H.K. The location of culture*. – London : Routledge, 2004. – P. 338–367.

Bhabra G.K. Postcolonial and decolonial dialogues. *Postcolonial studies*. – 2014. – Vol. 17, N 2. – P. 115–121.

Connell R.W., Messerschmidt J.W. Hegemonic masculinity : rethinking the concept. *Gender & society*. – 2005. – Vol. 19, N 6. – P. 829–859.

Gilleard Ch., Higgs P. *Ageing, corporeality and embodiment*. – London : Anthem press, 2013. – XIII, 212 p.

Gilleard Ch., Higgs P. The cultural turn in gerontology. *The Routledge handbook of cultural gerontology*. Ed. by J. Twigg, W. Martin. – London : Routledge. 2015. – P. 29–37.

Hartung H. Late style as exile : de/colonizing the life course. *J. of aging studies*. – 2016. – Vol. 39. – P. 97–100.

Martin W., Twigg J. Aging, body and society : key themes, critical perspectives : editorial. *J. of aging studies*. – 2018. – Vol. 45. – P. 1–4.

Nettleton S., Buse Ch., Martin D. Envisioning bodies and architecture of care : reflections on competition designs for older people. *J. of aging studies*. – 2018. – Vol. 45. – P. 54–62.

Rajan-Rankin S. Race, embodiment and later life : re-animating aging bodies of color. *J. of aging studies*. – 2018. – Vol. 45. – P. 32–38.

Spivak J.C. *A critique of postcolonial reason : towards a history of the vanishing presence*. – Cambridge (MA) : Harvard univ. press, 1999. – XIII, 449 p.

Thrift N. Different atmospheres : of Sloterdijk, China and site. *Environment & planning D : society & space*. – 2009. – Vol. 27, N 1. – P. 119–138.

Twigg J. Dress, gender and the embodiment of age : men and masculinities. *Ageing & society*. – 2018. – Aug 31. – P. 1–26.

Twigg J. *Fashion and age : dress, the body and later life*. – London : Bloomsbury, 2013. – X, 174 p.

Twigg J. The body, gender and age : feminist insights in social gerontology. *J. of aging studies*. – 2004. – Vol. 18. – P. 59–73.

Twigg J., Martin W. The challenge of cultural gerontology. *Gerontologist*. – 2015. – Vol. 55, N 3. – P. 353–359.

Zimmermann H.-P. Alienation and alterity : age in the existentialist discourse on others. *J. of aging studies*. – 2016. – Vol. 39. – P. 83–95.